

И. В. Сахаров

СУДЬБОНОСНЫЙ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР: ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕНЕАЛОГИИ (из воспоминаний о Ц. И. Грин и Н. М. Чернове)

Вспоминая Цилию Иосифовну Грин, я хотел бы рассказать об одном непосредственно связанном с нею эпизоде из моей жизни — не потому, что придаю слишком большое значение собственной персоне, а потому, что этот эпизод — и при этом я отнюдь не преуменьшаю его значение — неожиданно не только стал поворотным пунктом в моей личной судьбе, но и сыграл важную роль в целом в истории развития генеалогических исследований в нашей стране и связал эту историю именно с Российской национальной библиотекой.

* * *

Однако прежде чем изложить тему моих воспоминаний, необходимо охарактеризовать общий контекст ситуации, в которой интересующее меня событие произошло. Начну с того, что в 1968 г. Отдел библиотковедения и библиографии, которым тогда заведовала Ираида Константиновна Кирпичева, был разделен на три отдела, и Группа рекомендательной библиографии, сотрудником которой в должности старшего редактора я тогда состоял, оказалась в составе Отдела научно-информационной и рекомендательной библиографии (в 1977 г. структура отдела была изменена, и он стал называться Отделом библиографии и книговедения). Заведующей этим отделом была назначена Ц. И. Грин, и я оказался в ее непосредственном подчинении.

Не вдаваясь в детали, должен сразу сказать, что нас обоих с самого начала связала взаимная искренняя симпатия, и чувство глубокого уважения, которое я к ней питал (и, я бы добавил, уважения, к которому примешивались — не побоюсь этих слов — чувства восхищения и любви), как мне казалось, не оставались безответными. Иной раз мы вступали в спор, иногда весьма жаркий, и даже ссорились (что обычно случалось по моей вине, да и вел я себя в этих ссорах сгоряча — что греха таить — подчас неадекватно и недостаточно почтительно), но мы всегда быстро приходили в себя, легко находили компромиссное решение спорного вопроса и «выкуривали трубку мира».

В эти годы важным направлением моей работы стала подготовка серии аннотированных рекомендательных библиографических указателей «Страны и народы мира», неизменным редактором, а то и автором отдельных выпусков которой я был. С 1974 по 1989 г. один за другим в издательстве «Книга» в Москве вышли справочники, посвященные Индии (в 1987 г. этот указатель выдержал второе издание), Франции, Болгарии, США, Кубе, Ирану, Испании, Великобритании, Венгрии, Японии, Италии, Вьетнаму, Германской Демократической Республике, Югославии, Федеративной Республике Германии, Чехословакии и другим странам и группам стран. В свое время эта серия явилась событием в страноведческой библиографии; эти библиографические справочники не потеряли своей информационной ценности до сегодняшнего дня. На этой ниве мы с Ц. И. Грин тесно и плодотворно сотрудничали: она не только умело и деликатно осуществляла общее руководство этой работой, но и дважды (в указателях, посвященных ГДР и ФРГ) стала одним из соавторов.

Вместе с тем продолжалась и моя активная научная и научно-организаторская деятельность в области индологии, моей первой научной специальности, — прежде всего в рамках Географического общества. В 1965 г. я был избран на пост заместителя

председателя Восточной комиссии Общества (ее председателем, после кончины академика Василия Васильевича Струве, стал член-корреспондент АН СССР Дмитрий Алексеевич Ольдерогге), вошел в редколлегию издававшейся Комиссией в Москве известной в свое время серии сборников «Страны и народы Востока», а затем в рамках этой серии под моей редакцией начали выходить сборники статей «Индия — страна и народ». В ноябре 1971 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему «Этногеография Западной Бенгалии», а в 1977 г. в издательстве «Наука» увидела свет моя капитальная монография «Западная Бенгалия: этнодемографический и этногеографический очерк». Я стоял на пороге завершения докторской диссертации, посвященной этнической демографии Индии в целом (обширная статья, содержащая основные положения диссертации, еще в 1972 г. была опубликована на английском языке в самой Индии).

Ц. И. Грин не только не препятствовала моим индологическим исследованиям, но и сочувствовала им, хотя они в немалой степени отвлекали меня от выполнения официальных плановых заданий. В 1973 г. как кандидат наук я был переведен на должность главного библиографа, в 1977 г. — на должность старшего, а в 1991 г. — ведущего научного сотрудника.

«Сквозь пальцы» смотрела Ц. И. Грин и на мои занятия генеалогией и историей семей. Я с большой и искренней благодарностью вспоминаю об этом ее отношении к моим увлечениям. Это сейчас к генеалогии относятся как к важной специальной исторической дисциплине и к достойной всяческого внимания сфере гуманитарного знания. В 1970-е же годы положение было совершенно другим. Как известно, с послереволюционных лет генеалогия (как позже это случилось, например, с генетикой и евгеникой) попала в ряды «репрессированных наук». Все специалисты и знатоки в этой области знания, за редкими исключениями, либо бежали за границу, либо были репрессированы, либо «загнаны в подполье». Десятилетиями стало принято считать, что генеалогия в лучшем случае — совершенно бесполезное занятие, призванное лишь удовлетворять тщеславие и амбиции «бывших людей» и их потомков, в худшем же — занятие идеологически вредное, несовместимое с идеалами коммунизма, в любом случае, далекое от науки и, разумеется, никак не заслуживающее поддержки и поощрения.

Между тем, еще в конце 1950-х годов во мне пробудился интерес к генеалогии и истории российских родов, и этот интерес стал неудержимо расти и крепнуть и вскоре превратился в настоящее увлечение. Наконец, пришло время, когда я понял, что именно генеалогия является моим подлинным призванием, и наступил момент, когда я осознал, что оба любимых дела — и исследование этнолингвистических проблем далекой Индии, и увлечение генеалогическими изысканиями в родной стране — совмещать невозможно.

К полной неожиданности коллег-востоковедов, я принял решение, которое тогда мало кому могло показаться вразумительным и здравомыслящим. Я решительно и бесповоротно покинул дело, которому отдал много лет жизни, которое любил (да на самом деле в глубине души так и не разлюбил) и которое сулило мне успех и признание, успешную карьеру. Чтобы избежать искушения вернуться в лоно индологии, я даже расстался со своей личной и весьма ценной библиотекой по востоковедению, которую любовно собирал многие годы, — русскую ее часть я подарил только что учрежденному в нашем городе Генеральному консульству Индии, а все свое обширное собрание книг, изданных в самой Индии (многих из них не было в библиотеках нашей страны), принес в дар Российской национальной библиотеке. Место, которое занимала литература об Индии на стеллажах и в картотеках в моей квартире, стали стремительно заполнять книги, архивные досье и карточки, посвященные родословию и смежным отраслям знания.

Как я тогда подшучивал над собой, не принадлежа к касте брахманов, я, как и они, мог отнести себя к числу «дважды рожденных», ибо с переходом из индологов в генеалогии для меня началась новая, другая, вторая жизнь.

Между тем, в те времена занятие генеалогией, в отличие от индологических исследований, не только не сулило успеха, но, напротив, было чревато неприятностями. Действительно, когда пришло «время Андропова» (Ю. В. Андропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в ноябре 1982 г.), по всей стране развернулась кампания по ужесточению трудовой дисциплины. Людям старших поколений, пережившим репрессии 1930-х гг. и борьбу с космополитизмом в послевоенные годы, стало казаться, что после «оттепели» вновь повеяло холодом. Это почувствовалось и в нашей Библиотеке, почувствовал это и я сам. До меня донеслось, что в «начальственных сферах» и в партийных кругах стали поговаривать о том, что некоторые наши сотрудники в рабочее время «неизвестно чем занимаются». Стало казаться, что над моей головой «сгущаются тучи». На декабрьском методическом совете отдела, где обсуждался текст моего доклада на предстоящей конференции, одна из коллег настаивала на внесении в протокол записи о моей «некомпетентности и полном незнании теории и практики библиографии», и только вмешательство Ц. И. Грин позволило смягчить формулировку оценки доклада. В январе мне стало известно, что за моей спиной рассматривается как фактически уже предрешенный вопрос о лишении меня звания «ударника коммунистического труда» (были тогда такие почетные звания), причем Ц. И. Грин в ответ на мое недоумение произнесла так и оставшиеся для меня загадочными слова: «Дирекция не могла поступить иначе». Разумеется, предпринятые мною в то время попытки добиться включения в план научной работы задуманного указателя генеалогической литературы оставались безуспешными и вообще казались — и, вероятно, таковыми и были — безнадежными.

* * *

Именно в это время неожиданно произошло событие, о котором я и хочу рассказать.

В последних числах января 1983 г. я на две недели отправился в Москву. Насколько я помню, это была своего рода «смесь» «полукомандировки» — мне было отведено несколько рабочих дней для работы в издательстве «Книга» над корректурой указателя «Германская Демократическая Республика» (очередного указателя в серии «Страны и народы мира»), и к этому Ц. И. Грин разрешила добавить несколько накопленных отгулов, с тем, чтобы я вернулся на работу в понедельник 7 февраля.

Я поселился в гостинице «Волга», близ площади «трех вокзалов», и чередовал напряженную работу с издательским редактором Ларисой Михайловной Корчагиной с работой в московских архивах по линии моих генеалогических интересов и со встречами с коллегами — историками и генеалогами...

Но когда время возвращения приблизилось, мне захотелось продлить пребывание в Москве еще на несколько дней, и, ссылаясь на то, что работу с издательским редактором не удалось завершить, я решил позвонить по телефону Ц. И. Грин и испросить разрешение вернуться на работу на несколько дней позже запланированного. Этот телефонный разговор и его непосредственные последствия врезались в мою память на всю жизнь.

Как сейчас, я помню утро субботнего дня 5 февраля 1983 года. Я сижу в гостиничном номере в глубоком кресле и звоню Цилии Иосифовне по телефону домой и прошу ее разрешить мне продлить пребывание в Москве. Должен сказать, что такого рода продление служебных командировок не было чем-то необыкновенным и в моей практике происходило не раз, поэтому я, ничтоже сумняшеся, ожидал ее согласия.

Но что я услышал в ответ!?! Не свойственным ей резким, нервным, возбужденным, чтобы не сказать истеричным, тоном она неожиданно заявила, что требует моего немедленного возвращения в библиотеку. «Вы что, не понимаете, в какое время мы живем? — вот что почти дословно она мне сказала. — И так в библиотеке идут разговоры о том, что Вы в рабочее время на рабочем месте занимаетесь посторонними вещами, и даже поднимается вопрос, на кого Вы работаете! Никаких отсрочек! В понедельник утром Вы должны быть на работе!». Мне стоило больших усилий, под предлогом невозможности приобрести железнодорожный билет на воскресенье, убедить ее разрешить мне выйти на работу не в понедельник, а хотя бы во вторник. Но главным результатом этого разговора было психологическое состояние, в которое он меня вверг. Меня — человека в общем-то не пугливого — вдруг охватил небывалый страх. Я почувствовал опасность, которую не мог сформулировать. Это не был страх перед каким-то конкретным наказанием, выговором или даже увольнением с работы, это был страх смутный, иррациональный, едва ли не мистический. Единственное, что «задним числом» можно было понять, — это было связано именно с андроповскими «заморозками».

А далее произошло следующее. Я сижу в полубессознательном трансе, бессильно откинувшись на спинку кресла, рядом с телефонным аппаратом. В руках у меня карманная записная книжка, которую я имел обыкновение брать с собой в Москву, так как в ней были записаны номера телефонов моих многочисленных московских родственников, друзей, коллег и знакомых, а также номера некоторых питерских телефонов, среди них и номер Ц. И. Грин (эта книжка, настолько истрепавшаяся и к тому же устаревшая, что уже негодна к употреблению, и сейчас хранится в моем архиве). Я ее машинально листаю и бездумно, не задерживаясь, скольжу глазами по ее страницам. И вдруг на одной из них на глаза мне попадает фамилия, на которой взгляд мой почти произвольно останавливается. Чернов Николай Михайлович. *Чернов Николай Михайлович*. Домашний телефон 140-80-31. Служебный телефон 206-25-07. Телефон на даче 448-44-85. Домашний адрес: Молодогвардейская улица, дом 4, квартира 57. Какая сила заставила меня машинально раскрыть именно эту страницу? Ведь буква «Ч» не соседствует с буквой «Г»! Почему я, можно сказать, цепко узрел именно эту фамилию среди других, начинающих на эту букву? Почему память тотчас «сработала» и напомнила мне, при каких обстоятельствах я зафиксировал имя этого человека в записной книжке? Ведь этой книжкой я пользовался постоянно, сведения о Чернове были внесены уже давным-давно, но прежде мое внимание они не привлекали, и я не придавал им никакого особого значения. И, наконец, как случилось, что я, повинувшись неожиданно обострившейся интуиции, тут же решил ему позвонить, совершенно не догадываясь, каковы будут последствия этого звонка?!

Что же в тот момент подсказала мне память? Я вспомнил, что задолго до этого события однажды днем на работе раздался телефонный звонок. Мне звонил из Москвы некий Чернов. Он сказал, ссылаясь на одну из учениц моей жены, работавшую в то время в Орле в Музее И. С. Тургенева, что давно уже наслышан и обо мне как о знатоке генеалогии, и о моей жене как репатриантке из Франции, дед которой Федор Васильевич Татарин был помещиком Орловской губернии, видным местным земским деятелем, руководителем орловской организации Кадетской партии и членом Первой и Второй Государственных дум. Он сказал также, что интересуется генеалогией жителей Орловщины, в частности, родственным окружением И. С. Тургенева, что очень хотел бы познакомиться со мной и воспользоваться консультацией с моей стороны и что он очень просит меня, когда я буду в Москве, дать о себе знать и постараться встретиться (причем выразил готовность познакомиться и с моей женой), для чего и продиктовал свои

координаты. Должен сказать, что в то время я уже пользовался некоторой известностью среди любителей генеалогии, мне нередко звонили с просьбой помочь, с просьбой встретиться. Поэтому звонок Чернова меня не удивил, и я не придал ему никакого значения и записал его координаты только по его настоянию, не думая, что когда-нибудь сам ему позвоню. Единственное, на что я обратил внимание, это тот факт, что у него был телефон не только домашний городской, но и на даче, что в те времена было достаточной редкостью и, скорее всего, могло указывать на высокое положение звонившего. Эта мысль мелькнула где-то в подсознании, а потом забылась. После этого разговора я не раз бывал в Москве, но пребывание там всегда было очень насыщенным: работа в издательстве, исследования в архивах и библиотеках, встречи со многими людьми, и мне было не до Чернова — и, как я теперь задним числом с ужасом понимаю, могло стать (и так, скорее всего, и было бы), что я никогда бы ему не позвонил и никогда бы с ним не познакомился.

Итак, интуиция, до того упорно молчавшая и не подававшая признаков своего существования, вдруг проснулась, мне остро захотелось Чернову позвонить, я снял телефонную трубку, набрал номер домашнего телефона и, услышав на другом конце провода мужской голос, назвал себя. К моему удивлению, Н. М. Чернов сразу узнал меня и, поняв, что я — в Москве, тут же предложил повидаться, выяснив же, что уже в воскресенье я могу уехать, предложил сегодня же придти к нему домой. Напомнив свой домашний адрес, он стал объяснять, как до него добраться: на метро до станции Кунцевская, выход из последнего вагона, по выходе из метро налево, подняться по крутым лестничным ступенькам на высокий холм, а там спросить встречных, где тут дома ЦК КПСС. *Дома ЦК КПСС!* На мой вопрос о том, не связан ли он с этим учреждением, он скромно ответил, что да, он там работает. Итак, мы договорились, что я приду к нему сегодня вечером в 19 часов.

Я повесил телефонную трубку, и произошло необычное психологическое явление: страх, который совсем недавно владел моим сознанием и подсознанием, моментально улетучился и тут же сменился состоянием, которое можно было бы охарактеризовать как безудержное ликование, как эйфория! Опять-таки у этого состояния не было какого-то определенного содержания, но интуиция на этот раз властно подсказывала, что меня ожидает нечто такое, что в корне изменит мою жизнь и изменит ее к лучшему.

* * *

Ровно в 19 часов я позвонил в дверь его квартиры. Дверь открыл сам Н. М. Чернов. Помню, как с первых же слов меня удивила его речь: мелодия фраз, произношение отдельных слов были свойственны простонародному, деревенскому говору, структура же его речи, построение фраз и, главное, содержание того, о чем он говорил, находились в полном контрасте с его явно крестьянским происхождением — это была речь городского интеллигента, умного и образованного. Поскольку с самого начала главной темой нашей беседы стала генеалогия, меня сразу поразили широта и глубина его познаний в этой области. До того я самоуверенно воображал, что в этом отношении у нас в стране трудно найти равного мне, и вдруг я увидел человека, скажем так, мне как специалисту в области генеалогии в целом не уступавшего. Передо мной стоял выдающийся знаток истории своей родной Орловщины и замечательный генеалог. Оказалось, что он составил родословную не только своего собственного крестьянского рода, но и едва ли не всех жителей своей родной деревни. Более того, в круг интересов Н. М. Чернова со временем попали и местные помещики (прежде всего Челюсткины), и вскоре он увлекся историей рода Тургеневых и стал несравненным знатоком родственного и дружеского окружения И. С. Тургенева, знатоком истории и генеалогии многих орловских, да и не только

орловских, дворянских семей. В их число вошли и предки моей жены Татариновы и фон Рутцены (в его личном архивном собрании был даже альбом семейных фотографий фон Рутценов), что в свое время и побудило Н. М. Чернова завязать с нами знакомство.

Он, со своей стороны, быстро оценил не только уровень моих знаний, но и мою увлеченность, преданность генеалогии, готовность не щадить ни времени, ни сил на занятия в этой области. И он задал мне такой вопрос: «Ваши занятия родословными и историей семей — это Ваша *плановая* работа?», на что я не мог не ответить, что это не только не плановая работа, но, похоже, меня за занятия генеалогией начальство едва ли не собирается уволить из библиотеки. И тогда он буквально «огорошил» меня следующим вопросом, ответ на который, как понимал он и сам, был очевиден: «А Вы хотите, чтобы эта тема была официально включена в Ваш научный план?», и добавил: «Вы предпочли бы, чтобы эта тема была единственной в Вашем плане, или у Вас есть и другие интересы?». И, наконец, заключил: «Я дам указание Мелентьеву [тогдашнему министру культуры РСФСР], и мы решим этот вопрос!».

Теперь следует объяснить, кем же был Николай Михайлович Чернов, чтобы говорить такие слова. Выяснилось, что передо мной — крупный ответственный партийный работник: в то время он занимал должность руководителя группы консультантов в Отделе культуры ЦК КПСС, в которую входили эксперты, оказывавшие большое влияние на культурную политику Коммунистической партии и нашего государства в целом. И вот, познакомившись со мной, этот влиятельный человек счел необходимым не просто поддержать меня именно как генеалога, но и предоставить мне возможность вести генеалогические исследования на законном основании, как плановое задание (имелась в виду, в частности, подготовка капитального указателя литературы по генеалогии и истории семей)! Приведу еще несколько близких к цитате его слов, которые зафиксированы в моем дневнике за 5 февраля 1983 г.: «В Вас я вижу редкого, уже готового, сложившегося специалиста в области генеалогии... Мы — великая держава, и мы должны для такого знатока, как Вы, создать оптимальные условия для продолжения начатого Вами дела, ибо дело это важно для нашей страны, для нашего народа... Ведь если это поручить Вам, такому энтузиасту, Вы же будете работать не за страх, а за совесть, не считаясь с затратами рабочего времени... Игра стоит свеч, даже если Вы сделаете эту работу только в пяти машинописных экземплярах, но мы найдем Вам издательство и опубликуем ее... Неизвестно, кто кого должен благодарить — Вы меня или мы Вас... Мы не только Вас *поддержим*, мы это дело Вам *поручим*, да потом еще с Вас и *спросим*» (курсивом здесь выделена слова, которые он сам акцентировал). В завершение он попросил, чтобы, вернувшись в библиотеку, я сразу же зашел к директору (им тогда был Леонид Александрович Шилов) и доложил бы ему о нашем знакомстве, так как тот, как было известно Н. М. Чернову, чуть ли не на следующий день должен был быть в Москве на приеме в Министерстве.

Можно себе представить, каким счастливым и окрыленным покидал я дом Н. М. Чернова, — ведь то, что произошло, было похоже на чудо и, скорее всего, чудом и являлось! Так я, никогда не состоявший в Коммунистической партии и весьма далекий от того, чтобы разделять ее идеалы, неожиданно получил поддержку именно там, откуда никак не мог ожидать ее получить.

Н. М. Чернов сдержал свое слово. Когда 7 февраля 1983 г., перед отъездом из Москвы, я позвонил ему по телефону, чтобы попрощаться, он сообщил о том, что уже говорил обо мне с заместителем министра культуры РСФСР Василием Михайловичем Стригановым (библиотеки находились в ведении последнего) и велел уведомить об этом Л. А. Шилова.

* * *

Рано утром 8 февраля я уже был в библиотеке и первым делом явился к Ц. И. Грин, которая с большим вниманием и интересом и, я бы сказал, некоторой озабоченностью выслушала мою историю, а под вечер меня принял Л. А. Шилов, которому я доложил о своем неожиданном знакомстве с Н. М. Черновым, об активной поддержке, которую он решил оказать моим занятиям генеалогией, и о предстоящем разговоре обо мне, который ожидает его в Министерстве в Москве, куда он действительно в тот же день и отправился в командировку.

Здесь следует сказать, что указание, «спущенное сверху», плохо вязалось и даже, можно сказать, шло вразрез с тем представлением о генеалогии, которое в те времена продолжало господствовать в начальственной среде. Чтобы включить генеалогию, хотя бы даже только в библиографической «упаковке», в план такого идеологического учреждения, каким была ГПБ, — в то время надо было иметь мужество. Принятие решения, вероятно, надолго бы затормозилось: как 18 февраля, чуть ли не по секрету, поведала мне Ц. И. Грин, ход делу еще не дан, «проводятся консультации». Чтобы лучше понять контекст этих «консультаций», надо вспомнить о том, что говорилось выше о лишении меня почетного звания и так далее. Однако, благодаря настойчивости Н. М. Чернова, который взялся довести дело до конца, а также благодаря поддержке со стороны таких выдающихся историков, как Сигурд Оттович Шмидт и Валентин Лаврентьевич Янин, и известного и в те годы весьма влиятельного писателя С. В. Михалкова (по его заданию я тогда активно занимался его родословной), вопрос пришлось решить. В конце февраля Л. А. Шилов вызвал меня к себе и предложил составить проспект указателя литературы по генеалогии и истории семей, и вскоре подготовка этого капитального справочника была официально включена в мой научный план. Помню, как радовалась этому вместе со мною и Ц. И. Грин. Через некоторое время генеалогия стала единственной позицией моей плановой научной работы, и тем самым я стал первым в России официально признанным генеалогом *par excellence*.

* * *

Постепенно к тому факту, что в ряды сотрудников ГПБ «затесался» профессиональный специалист по генеалогии и истории семей, стали привыкать, тем более, что и отношение к родоведению в стране стало меняться к лучшему. Все это позволило мне и организовать в 1987 г. при ГПБ постоянно действующий научный семинар «Генеалогия и история семей», и учредить в 1989 г. Русское генеалогическое общество, и основать в 1992 г. в структуре РНБ Институт генеалогических исследований, и, наконец, принять активное участие в создании в 1998 г. в Турине (Италия) Международной академии генеалогии (со штаб-квартирой в Париже). Более того, в 2008 г. указом Президента России мне было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Обо всем этом я многое мог бы вспомнить. Впрочем, это уже другая история, другие истории. Однако предыстория всех этих событий изначально коренится в моей встрече с Н. М. Черновым.

Завершая же этот отрывок из своих воспоминаний, скажу лишь, что Н. М. Чернов и в последующие годы продолжал лично и непосредственно «курировать» мою деятельность и оказывать мне свою поддержку. Я же, со своей стороны, неоднократно помогал ему разбираться в тех или иных генеалогических и околонеалогических вопросах.

Давно уже нет того некогда могущественного учреждения, в котором служил Николай Михайлович Чернов, давно уже не стало и его самого (он скончался в 80-летнем возрасте в феврале 2008 г.), но чувство благодарности к нему продолжает жить у меня в

уме и сердце. И, разумеется, в моей памяти рядом с его именем всегда оживает имя Цилии Иосифовны Грин, которая, пусть и невольно, в тот далекий февральский день 1983 года «спровоцировала» мою встречу с Н. М. Черновым, оказавшую основополагающее влияние на всю мою дальнейшую судьбу, и которая во всех наших служебных делах всегда оставалась моим добрым другом.